

ДЕМОКРАТИЯ В АСПЕКТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

DEMOCRACY IN THE ASPECTS OF POLITICAL PHILOSOPHY

V. Kravchenko

Summary. The author examines the actual for the modern issue of the organization of society and the state from the perspective of their democratic reconstruction. Presented are the «models» of a democratic society: antiquity, classical democratic society, «religious-democratic» society and modernity.

Keywords: democracy, society, model, transformation, state, type, people, analogy, freedom, self-government, charisma, management, personality.

Кравченко Владислав Иосифович

Д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет аэрокосмического
приборостроения
vz1612@mail.ru

Аннотация. Автор исследует актуальный для современности вопрос организации общества и государства с позиции их демократического переустройства. Представлены «модели» демократического общества: античности, классического демократического общества, «религиозно-демократического» общества и современности.

Ключевые слова: демократия, общество, модель, трансформация, государство, тип, народ, аналогия, свобода, самоуправление, харизма, управление, личность.

История свидетельствует о том, что именно греки ввели в обиход термин «демократия» («demokratia»: от греч. слов *demos* — народ и *kratos* — править). Справедливости ради следует сказать, что «*demos*» как категорию обычно относили либо к древнегреческой элите (владелице рабов), либо к городскому населению в целом, однако иногда использовали для обозначения простолюдинов или даже бедняков. Некоторые исследователи считают, что термин «демократия», носивший оттенок недоброжелательности, употреблялся аристократами как эмоционально окрашенный эпитет и выражал презрение к простолюдинам, которые сумели оттеснить аристократов от управления государством. Появление демократии в Древней Греции связано с реформами Клисфена — афинского политического деятеля VI века из рода Алкмеонидов, возглавившего после падения тирана Гиппия афинский демос. В 509–507 гг. до н.э. он провел реформы политического устройства, в соответствии с которыми родовое членение граждан было преобразовано в территориальное. В результате этого реформирования, были образованы десять фил с разделением каждой на трети (тритии) — городскую, приморскую и внутреннюю (сельскую), а также с более дробным разграничением на демы. Таких «дем — организаций» было около ста, и они делегировали граждан для отправления должностей. Эта реформа позволила вытеснить родовую лояльность общеполитической. Неустойчивость древнегреческой демократии объяснялась отсутствием системы сдержек и противовесов, защищавших меньшинство от большинства и наоборот. Так в 411 г. до н.э. в ходе Пелопоннесской войны Афины пережили первый олигархический переворот. Однако флот отказался признать новый режим, и под предводительством Алкивиада в 410 г. до н.э. демократия была восстановлена. В 404 г. до н.э. происходит второй олигархический переворот.

В результате переворота, к власти приходят так называемые «тридцать тиранов», о чем более подробно речь идет в диалогах Платона [6]. Под руководством Крития тираны развязывают политические преследования своих противников, в ходе которых было казнено около полутора тысяч человек, включая даже умеренных олигархов. Это вызвало сопротивление демократов, которые под руководством Фрасибула в 403–402 гг. разгромили олигархов. Суть древнегреческой демократии заключалась в стремлении к общему благу. Граждане управляли Афинами при помощи Народного собрания. Сами афиняне называли его экклесией. Граждане принимали участие в административной работе города — в Совете, который готовил повестку дня собрания, в гражданских судах, в различных сборах магистратов (от лат. *magistratus* — начальник). Таким образом, демократия для древних греков — это не просто способ и процесс принятия решений и законов на собрании, но также отправление различных должностей. Политическое участие гражданина расценивалось как долг, а вернее обязанность, при уклонении от которого он мог быть оштрафован или лишен гражданских прав. Созданный в результате реформ Клисфена Совет пятисот (самый первый орган управления) образовался делегированием 50 представителей от 10 новообразованных фил или родоплеменных объединений в древней Греции. В свою очередь, представители, или (советники — булевты), формировали притании (секции). Каждая секция одну десятую года вела все дела Совета, а председатель секции, сменявшийся каждый день, неотлучно дежурил в Совете. В функции Совета входила подготовка вопросов для рассмотрения на Народном собрании, а также принятие прочих решений.

До сегодняшнего дня сохранилась знаменитая надгробная речь Перикла, содержание которой раскрывает

преимущества афинской демократии. «Наш строй,— говорил Перикл, не скопирован с законов соседних государств; мы скорее даем пример для других, чем подражаем кому-либо. Правление склонно учитывать волю множества, а не немногих. Вот почему его именуют демократией.... От беззакония нас удерживает уважение законов, особенно тех, которые направлены на защиту обижаемых,— будь то законы, начертанные или же изустные, но невозможно их нарушить и при этом избежать позора» [6, с. 485]. В настоящее время в различных дискуссиях относительно демократии как понятия и демократического государства приоритетным является мнение непревзойденного философа древности, в мощи ума которого не сомневается даже современная наука, не могущая на имеющемся мировоззренческом фундаменте даже приблизиться к уровню понимания древним мыслителем основных проблем Бытия. Речь идёт о древнеэллинском философе V–IV вв. до н.э.— Платоне. «Демократия... осуществляется тогда, когда бедняки одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных разгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию» [8, с. 346]. Любопытным, на наш взгляд, является упоминание Платона о возможности получения должностей «по жребию», что еще раз подтверждает возможность создания «выборной» компании в период древнегреческой цивилизации. Далее Платон описывает демократического человека, свойства которого рождаются как результат демократического или иного правления. «Как в государстве происходит переворот, когда некоторой части его граждан оказывается помощь извне их единомышленниками, так и юноша меняется, когда некоторой части его вожделий помогает извне тот вид вожделий, который им родственен и подобен» [8, с. 350]. Результативность такого рода воспитания демократического человека рельефно налагается на образ воспитанника. В дальнейшем «его хвастливые речи... в битве с бережливым началом... одержат верх и с бесчестьем, как изгнанницу, вытолкнут вон стыдливость, обозвав её глупостью, а рассудительность назовут недостатком мужества и выбросят её, закидав грязью... Опорожнив и очистив душу юноши, ...они затем низведут туда... наглость, разнузданность, распутство и бесстыдство, увенчивая их венками и прославляя в смягчённых выражениях: наглость они будут называть просвещённостью, разнузданность — свободой, распутство — великолепием, бесстыдство — мужеством». В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить...» [8, с. 352–353]. Болезнью такого праздного демократического государства Платон называет появление особого рода людей, праздных и расточительных, под названием трутней. «При демократическом строе они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют,

а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. Выходит, что при таком государственном строе всем, за исключением немногих, распоряжаются подобные люди» [8, с. 358].

Помимо трутней как определенного «класса» своевольников, философ выделяет класс дельцов, т.е. богатых людей, у которых трутни «берут больше меда». Таких богатых дельцов Платон называет «сотами трутней». Наконец, третий условный класс в платоновско-демократическом государстве называется народ. Именно народ обладает наибольшим влиянием в демократическом обществе, особенно когда эти люди вместе. Народ как самая многочисленная сила может жестоко расправиться с клеветниками и обманщиками, но само проявление народного зла может быть результатом провокационных действий со стороны трутней.

Таким образом, «идеальная» модель государственного устройства Древней Греции, сегодня оказалась перманентно-актуальной для развития любого общественного строя. Трудно не заметить принцип паразитизма, усиленно и насильственно насаждаемый сегодня в так называемых «демократических» государствах. Современный мир потрясают непрекращающиеся войны, революции и различного рода противоборства, и иногда приходится удивляться не только актуальности самой теории идеального государства, но и прозорливости великого философа. Не забыл Платон и о работниках искусства, инженерах человеческих душ античности в лице трагических поэтов: «Обходя... государства, собирая густую толпу, подрядив исполнителей с прекрасными, сильными, впечатляющими голосами, они привлекают граждан к тирании и к демократии... Они получают вознаграждение и им оказываются почести... со стороны тиранов, а на втором месте и от демократии» [8, с. 358]. Если задаться вопросом, почему Платон, точно выявляя пороки современной ему демократии и словно бы описывая наше современное положение дел, так оценивает этот строй, который он буквально клеймит позором? Всё проясняется при знакомстве с классификацией государственного устройства у Платона. Он выделяет 5 типов государства, из которых «хорошим и правильным» является один — царский (или аристократический), а четыре остальных являются порочными и большими и следуют друг за другом по мере возрастания порочности и деградации: тимократия, олигархия, демократия и тирания. И вот эту третьей степени порочности государственную систему, третью (предпоследнюю) фазу прогрессирования болезни государства нам и сегодня рекламируют и вбивают в сознание как единственный путь в светлое, сытое будущее, путь, которому «нет реальной альтернативы». Справедливости ради, нельзя не заметить определенный прогресс такого рода рекламирования идеи в сознание человека, а проще

его «оболванивания», ибо «слово — великий мыслитель, телом малое и незаметное, свершает оно божественные дела. Ведь оно может и страх пресечь, и горе унять, и радость вселить, и сострадание умножить» [2, с. 29].

Признавая актуальность сказанного, мы не можем не признать, что «... в демократическом государстве народных собраний и свободы слова дар красноречия впервые становится действительно необходимым — он, собственно, делается кормчим веслом в руках государственного человека», которого классическая эпоха называет ритором [4, с. 340].

В наше время страдающие избытком интеллигентности (как разновидность духовной болезни) и учёности (то есть узкофизического взгляда на мир) современные мыслители-идеологи могут возразить насчёт демократии двумя железными аргументами (живём-то не в золотом, не в серебряном и даже не в бронзовом, а именно в железном веке). Платон ведь жил на заре зарождения научной мысли и многого ещё не мог знать. А во-вторых, время тогда было другое — всё-таки почти две с половиной тысячи лет назад и, может быть то, что было тогда болезнью, к нашему времени уже выздоровело? Соглашаясь в целом с такими доводами, нельзя согласиться с моментом выздоровления общества. Последнее может нами только предполагаться сознанием и оставаться желаемым, но не действительным. В реальности «ментальная гордыня», провозглашающая древних мыслителей «недоумками», а современных учёных мужей воздвигающая на вершину человеческих знаний — это естественный результат рассмотрения всех процессов на Земле через призму идеи прогресса. В действительности же, «само наше государственное устройство и тогда было и ныне является аристократией. Эта форма правления почти всегда господствовала у нас, как и теперь. Одни называют её демократией, другие еще как-нибудь — кто во что горазд, на самом же деле это правление лучших с одобрения народа» [7, с. 268].

Как уже ранее отмечалось в работе, тема демократии представляет постоянный интерес и имеет непреходящую ценность в жизни любого государства. В начале XIX века классиком демократического устройства государства был признан третий президент США Джефферсон. Именно этот человек и поныне является воплощением не только американской мечты о свободе и равенстве, но и освободительных идеалов всего человечества. «Демократия, — по словам Джефферсона, — это не добровольный дар благосклонных богов. Если мы не будем мудрыми и просвещёнными, у нас в будущем может и не быть демократии. За каждую ценность нужно бороться, чтобы ее сохранить. В прошлом победа в борьбе за свободу была завоевана людьми, обладавшими умом и волей, чтобы стать свободными» [3, с. 9]. И пер-

вым среди этих мастеров — строителей демократии, был, конечно, Томас Джефферсон, беспримерно сочетавший в себе ученого, писателя, эрудита-исследователя, администратора и бывший вместе с тем одним из самых крупных политических деятелей своего времени, добившихся наибольшего успеха. Согласно исследователю и политику Джефферсону «существо демократии заключалось в идее свободы. Необходимо не забывать, что он был сыном своего века, человеком, изучавшим философию восемнадцатого столетия и наблюдавшим политическую сцену своего времени. Но если то, что он читал, приходило к нему из Европы, то обеими ногами он твердо стоял на свободной земле Америки. Поэтому его поражало разительное несоответствие между концепцией естественных прав человека, розданной европейскими философами, и реальным унижением людей, царившим в окружавшем их мире. Рационалист и поклонник природы, он был полон решимости не допустить, чтобы мракобесие и тирания, эти два врага-близнеца человечества, смогли укорениться на американской земле» [3, с. 13]. Джефферсон, по аналогии с Платоновской моделью государства, предлагает нам свое видение будущего своего народа. Например, он не исключает наличие правительства в государстве, но строго регламентирует его функции. Поскольку все правительства неизбежно склонны деградировать в состояние тирании, перед людьми поколения Джефферсона стояла проблема: как не допустить, чтобы слуга, необходимый обществу, не вырос в чудовище. Или, другими словами, как можно сдерживать правительство от покушений на всеобщую свободу, а применительно к нашей реальности, — как сделать так, чтобы «слуги — депутаты» не превратились в господскую элиту? «Существуют права, — писал Джефферсон в 1789 г., — которые не имеет смысла передоверять правительству и которые все правительства до сих пор всегда стремились нарушать. Это право мыслить и предавать гласности свои мысли устно или письменно; это право свободной торговли; это право на личную свободу и неприкосновенность». Для Джефферсона права правительства были всецело подчинены жизни и свободе, а без свободы человек не способен строить свое счастье. Могущественное государство, писал Джефферсон Джеймсу Монро в 1782 г., «уничтожает радости существования» и заставляет человека думать о том, «что лучше бы ему вообще не родиться на свет» [3, с. 14].

Одна из возможностей решения проблемы заключалась в «самоправлении» или (самоуправлении для современной реальности). «Люди, настаивал Джефферсон (это была разработанная в восемнадцатом столетии доктрина, которую разделяли и многие другие выдающиеся умы), от рождения обладают рядом неотчуждаемых прав, «среди них — право на жизнь, свободу и стремление к счастью». Среди этих естественных прав человека есть также право на самоуправление. Каждый человек и каждая общ-

ность людей, живущих на земле, — пояснял Джефферсон президенту Вашингтону в 1790 г., — обладают правом на самоуправление. Они получают его вместе с жизнью из рук природы. Личность осуществляет это право через свою индивидуальную волю, общность людей — через волю большинства, так как закон большинства есть естественный закон каждого человеческого общества» [3, с. 14].

Сегодня таких политических деятелей как Джефферсон можно отнести к числу харизматичных лидеров, веривших в умственные и моральные силы человека и доверявших «здравому смыслу человечества». Люди, управляющие сами собой, могут совершать ошибки, но у них есть, возможность исправлять их. А у людей, которыми правят, нет иного пути, как страдать, пребывая в терпении или взрываясь в насилии. «Я настолько полагаюсь на здравый ум общности людей и на честность их лидеров, что не боюсь и того, чтобы они предоставляли любым делам идти плохо до любой степени». Людьюми можно плохо руководить или обманывать на некоторое время, но там, где для правды пути открыты, люди научатся отвергать то, что фальшиво и вредно. Там, где люди хорошо информированы, им можно верить управление самими собой; когда же дела пойдут настолько плохо, что они начнут отдавать себе в этом отчет, на них можно будет положиться в том, что они смогут исправить ошибки» [3, с. 15]. Таким образом, главным элементом своей модели демократического общества Джефферсон называет людей, а одной из фундаментальных элементов модели демократического общества, — образование народа. Особое внимание американский исследователь уделяет бытующей в то время тирании, как форме правления. Тирания всегда процветает за счет невежества, а там, где «царит темнота», люди никогда не будут свободны. «В нынешнем стремлении распространить на как можно большую часть человечества благословение образования я вижу перспективу великого продвижения вперед, к счастью всей человеческой расы» [3, с. 16].

С таким же политическим энтузиазмом Джефферсон выступал за «свободную» прессу, что было не только логическим развитием событий, но и актуальным по тем временам. «Если демократия нуждается в гражданах, которые могут читать, — пишет Джефферсон, то из этого следует, что они должны быть свободны в своем чтении. Цензура любого рода и ограничение доступной каждому информации уничтожают саму душу демократии и заменяют деспотическую власть над телом человека тиранией над его разумом» [3, с. 16]. Сегодня трудно не признать актуальность вопросов, связанных с защитой прессы (СМИ), однако сама история свидетельствует о невозможности решения проблемы диалектического соотношения власти и прессы. Тот же самый принцип прилагался и к книгам. Джефферсон говорил, «если приведенные в книге факты

фальшивы — это должно быть доказано и если аргументация ложна — она должна быть опровергнута, но ради Бога ради, предоставьте нам свободу выслушать обе стороны!» [3, с. 17]. Актуальным на наш взгляд, являются представления Джефферсона относительно свободы совести, в частности — демократия, при которой люди свободны думать и говорить, что они пожелают, также подразумевает и свободу совести. При всей актуальности «модели демократического общества Джефферсона», нельзя не заметить тот факт, что автор не рассматривает будущую модель общества как «государственный монолит», напротив, сама модель — это живой организм, которому свойственны перемены и реформы. Джефферсон знал, что в человеческом обществе ничто не вечно и ничто не застраховано от перемен и поэтому в 1816 г. он пишет: «Я, разумеется, отнюдь не сторонник частых и неоправданных опытом изменений в законах и конституциях... Но я также знаю, что законы и человеческие институты должны идти рука об руку с прогрессом человеческого разума... По мере того как совершаются новые открытия, как открываются новые истины, а обычаи и мнения меняются с изменениями обстоятельств, должны развиваться также и институты государства и общества, они также должны идти в ногу со временем. Каждое поколение людей... имеет право избирать для себя ту форму правления, которая, по его убеждению, более всего сможет помочь ему быть счастливым» [3, с. 17]. Сегодня Томас Джефферсон — этот мудрец демократии, сформулировавший фундаментальные принципы «идеального демократического общества» для своего народа, является неоспоримым классиком теоретического преобразования общественной жизни в рамках всемирного масштаба.

В современной исследовательской литературе довольно редко можно встретить серьезные научные изыскания относительно роли религии в организации и определении форм государственного правления. На первый взгляд это можно объяснить наличием некоторого конституционного «водораздела» между церковью и государством, однако такой аргумент сегодня не выдерживает критики, особенно, если коснуться истории института церкви и самой религии как связующего звена в человеческих отношениях (Фейербах). Между тем, сама история свидетельствует о «политической активности» института церкви в деле организации человеческого общества. На одном из церковных собраний в 1904 г. обсуждался вопрос о «демократическом правлении» в государстве и обществе. С тех пор прошло много лет, однако актуальность вопроса о демократическом правлении становится все более злободневной. В частности, в одном из выступлений того времени отмечалось, что «представители современной демократии часто позиционируют себя пророками всенародного блага и прогресса, желая предоставить народу «свой идеал», а именно, участие всего народа и голоса каждого в особенности в развитии

«прогресса». Но вместе с тем, отмечалось в выступлении, они (пророки) и знать не хотят: ни духа народного, ни вековых преданий и верований, на которых утверждалась жизнь народа, и как только демократия попадает в руки «законников от народа», её законодательный механизм принимается орудовать законами для своей цели, издавая закон за законом и не стесняясь нисколько соображением о том, насколько стесняются законом стремления и потребности быта и духа народного. «Этим путем создается и держится прямолинейный деспотизм мнимого народоправления, сосредоточенного в руках преобладающей партии, во имя идеальной истины и народного блага. В этом смысле всего для демократии опаснее и всего противнее — религия и церковь: воля человеческая так тесно связывается с верованием, в особенности церковным, что не легко бывает одолеть ее. Отсюда борьба практической демократии с церковью: самое существование церкви — смущение для демократии» [1, с. 43]. Не обошлось на этом почтенном религиозном собрании без критики в адрес существующей политики того времени и было отмечено, что «на первый раз эта политика нуждается еще в религии, на сколько религия нужна еще для её целей; — но для этого требуется снять с религии по возможности догматический облик, лишить ее способности действовать на душу дисциплиною характера и мышления; пусть остается в ней то, что, по мнению политики, составляет её недогматическую сущность, — то есть общие начала нравственности, соединяемые общим понятием о Боге и о нравственном достоинстве человека. Таким способом, очевидно, вытравляется из религии самая её сущность. Отсекаются корни, без которых растение жить не может, — хотя, как бы имеется в виду сохранить плоды его, то есть удержать результаты христианской совести, отняв ту веру, которая создала ее и хранила. Но политика демократии думает достигнуть тех же результатов, заменяя в школе Закон Божий курсом морали, а в жизни общественной любовью и жалостью христианскую началами и учреждениями альтруизма и филантропии» [1, с. 44–45]. В наше время актуальность подобного утверждения прошлого века, особенно очевидна, когда речь идет о демократических преобразованиях в России и в частности, в нашей образовательной системе.

Нынешний информационный век вносит свои коррективы относительно признания человека «политическим животным» (Аристотель) не только в рамках демократии, но и всех демократических изменений в обществе. Людям нужно не «светлое» будущее, а понятное, стабильное и спокойное, к такому выводу пришли ученые ИС РАН при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в октябре 2014 г. Сегодня, учитывая высокий уровень репрезентативности исследований, социологи констатируют: впервые за два прошедших года в умонастроениях россиян наметились позитивные перемены. На фоне роста числа оптимистов, которые смогли адаптироваться к существу-

ющим кризисным явлениям, больше половины (56%) опрошенных россиян не считают ситуацию в стране напряженной. Снизилось количество так называемых «катастрофистов», которые рисуют будущее страны в черных тонах. В ходе опросов социологи выявили любопытную закономерность. О Родине и о других людях наши сограждане печалятся гораздо больше, чем о себе самих. На вопрос о том, какие чувства у них преобладают в повседневной жизни, половина респондентов (48%) ответили «спокойствие и уравновешенность». При этом о безразличии и апатии говорили 23% респондентов. Можно отнести это к особенностям национального характера, но факт остается фактом. В нынешних условиях кризис остается кризисом, а патриотизм патриотизмом. На вопрос, какие чувства испытывают жители нашей страны к своей Родине, россияне произносят добрые слова и не проклинают свою страну, как это было в 90-х годах прошлого столетия. О любви к Родине заявили 13%, о гордости за неё — 20%, об уважении — 24%. Только четверть всех опрошенных (24%) испытывают эмоции со знаком минус — например, обиду (14%), возмущение (10%), 14% дать ответ затруднились, а равнодушных оказалось только 5%.

Прошедшие парламентские выборы показали, что люди устали от изобилия повторяющихся политиков, а к их речам выработали иммунитет, однако будущее свое население страны рассматривает как стабильное и спокойное. Наши люди не горят желанием устраивать перевороты, проводить «российские майданы» менять власть. Наибольшее доверие россияне испытывают к так называемой «державной триаде» — президенту России (81,8%), Российской армии — (65%) и православной церкви — (46%). Зато представительным институтам власти доверяют в меньшей степени: Совету Федераций — 46,4%, Государственной Думе — 45,5%, органам местного самоуправления — 25%, политическим партиям — 15%. Надежность власти по-прежнему отождествляется с высоким уровнем доверия нынешнему президенту В.В. Путину. Люди уверены, что нынешняя власть при всех её недостатках, достойна народной поддержки, а Россия должна стать великой державой. Таковы результаты исследований по данным ВЦИОМ («Новое время» от 31 октября 2016 г.). Конечно, любые результаты исследований при всей репрезентативности, не могут претендовать на истину в последней инстанции, но факты — «упрямая вещь», и поэтому общую положительную динамику существующей демократии в России трудно не признать. При этом нельзя не признать, что современные политические исследования и их результативность уже давно ориентированы не столько на категориальное определение демократии, сколько на выявление особенностей социально-политической трансформации режима власти под названием демократия. Причем внимание исследователей акцентируется на структурной типологии неопатримониальных (неопатримониализм (от лат. *patrimonium* — вотчина, от-

чина) режимов, которая выстраивается на основе различных отношений между ядром режима и его периферией [9]. В этой связи нельзя не отметить, что возникновение неопатримониализма, по мнению Ш. Эйзенштадта, обусловлено тем, что становление политических институтов современного государства во многих развивающихся обществах Азии, Африки и Латинской Америки происходит в рамках специфического режимного «синтеза» традиционного и современного. Становление неопатримониального режима является следствием неудачной или фрагментарной модернизации, что представляет собой одну из проблем демократизации современного общества.

Таким образом, различаются частичная демократия, жесткий тоталитаризм, авторитаризм и при этом каждый со своей спецификой неопатримониальных связей. На этой теоретической основе рассматривается разнообразие неопатримониальных режимов с африканской, латиноамериканской и постсоветской спецификой. В частности динамика постсоветских режимов в научных кругах представлена в трех измерениях: демократия, тоталитаризм и авторитаризм.

Такой подход в анализе динамики постсоветских режимов, на наш взгляд, позволяет выявить условия посткризисного демократического развития нашей страны. Например, особенностью устройства постсоветских неопатримониальных режимов является тот факт, что неопатримониальные элиты в постсоветских государствах разделены и конкурируют между собой, прежде всего, за доступ к клиентарно-патронажной сети, в центре которой находится лидер государства. В этом смысле сущность политической борьбы в неопатримониальной системе состоит в борьбе за расположение и покровительство со стороны главы государства, но отнюдь не за голоса потенциальных избирателей [10]. С этим трудно не согласиться, поскольку высокая стабильность жестких авторитарных и тоталитарных режимов объяс-

няется монополизацией главных политических ресурсов правящей группой, а также сплоченностью, солидарностью элит, благоприятными условиями ренты, личной харизмой правителя, геополитическим престижем и уверенностью, что каждый отступник будет подавлен соединенными усилиями тех, кто сохранил лояльность [9]. Если признать верными эти факторы, то их ослабление, тем более скоординированное, должно снизить стабильность, как минимум, до уровня «турбулентности». Действительно, в прошлой истории тоталитарных режимов смерть диктатора, военное поражение, падение международного престижа, существенное сокращение государственных доходов и ренты для элиты — все это приводило к кризисам, а то и к распадам, глубоким трансформациям режимов. Сегодня, когда активизируется роль личности в истории, на наш взгляд, харизматическая личность становится доминантой любого процесса преобразования общества, а тем более общества демократического толка. Современный лидер-харизматик, обладает харизмой, как социокультурным феноменом, а сама харизма, понимается как «совокупность психофизиологических свойств человека, проявляющихся в определенных социально-политических условиях в процессе коммуникативного распределения личности» [5, с. 50].

Особенности будущей российской «демократической действительности», на наш взгляд, тесно связаны с наличием двух факторов: личности лидера-харизматика, и окружающей его элиты. Будущая стабильность режимов на постсоветском пространстве зависит, таким образом, от того, насколько правящие группы сумеют нивелировать негативные факторы или хотя бы не допускать их одновременного действия. В этом случае сохранение сплоченности современных российских элит, высокий уровень рейтинга лидера, поддержание лояльности силовых структур, — оказываются главными условиями удержания современной авторитарно-демократической власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы жизни. М.: Синод, 1904. 70 с.
2. Горгий. Похвала Елене Ораторы Греции. Пер. Кондратьев С. П. изд. М.: 1985. с. 290.
3. Джеферсон Т. О демократии. СПб.: Лениздат, 1992. с. 335.
4. Йегер В. Пайдейя. Воспитание Античного Грека. Т. 1. изд. М.: ГЛК, 2001. с. 340.
5. Кравченко В. И. Харизматическая личность: многообразие понимания: Монография. СПб.: ЛГОУ им. А. С. Пушкина, 2005. с. 147.
6. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА — КНИГА. 2015. с. 1275.
7. Платон. Диалоги. Менексен / пер. с древнегреч. С. Я. Шейман — Топштейн. М.: Мысль, 1986. с. 345.
8. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. М.: АСТ, 2017. с. 356.
9. Розов Н. С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации. Полис. Политические исследования. 2016. с. 139–156.
10. Фисун А. А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. Политическая концептология. 2016. № 4. с. 158–187.

© Кравченко Владислав Иосифович (vz1612@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»